

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th St., New York 19, N. Y. Tel. CO. 5 - 5500

VOL. I. № 17.422. SUNDAY, NOVEMBER 20, 1960

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 20 НОЯБРЯ, 1960 ГОДА

ЦЕНА 10 СЕНТОВ

Толстой, Чехов и Горький

Британский ученый, И. Берлин, прекрасно владеющий русским языком, написал о Л. Н. Толстом книгу, который вряд ли читал переписку Чехова с Горьким. Однако, взгляды его вполне совпадают со взглядами русских современников Толстого.

Разбирая значение Л. Толстого для мира, И. Берлин вспоминает слова греческого поэта Архилохуса: «Лисица знает многое о многом, а еж знает великое об одном». Толстой, по мнению Берлина, по самой сущности своей личности знал многое о многом, но хотел знать великое об одном, что ему, как мыслителю, не было свойственно. Он, великий художник, стремился стать пророком, отречься от себя, чтобы дать миру универсальную истину, которая, однако, оставалась недоступной для него самого. Это порождало в Толстом внутренние конфликты и противоречия, обратившие его жизнь в трагедию. «Как Моисей, он стоял у грани Земли Обетованной, но войти в нее не мог. Он знал, что она есть, но что она есть нечто такое, чего люди не смогут достигнуть ни через искусство, ни через науку, что недостижимо ни для цивилизации ни для рациональной критики». Толстой видел мир глазами орла, замечал то, чего не замечали, или не хотели замечать, окружающие. «Его гений был опустошающе разрушающим, он мог пытаться указать на свою конечную цель лишь путем изображения ложности всех вех, будто бы ведущих к ней. Он мог говорить о правде, лишь уничтожая то, что не есть правда». Жизнь его обратилась в длительную агонию, у него было все: восторг и преклонение людей, обожающая его семья, масса последователей, но все это только томилло и мучило его: — «он погиб, подавленный бременем своей интеллектуальной непогрешимости и чувством постоянных моральных ошибок, жертвой сознания всего, что не может быть примиренным, но не может быть оставлено и непримиренным — конфликта того, что есть, с тем, что должно быть».

Таким дает образ Толстого И. Берлин, уже через много лет после его смерти. Но выдающиеся современники, близко соприкасавшиеся с Толстым еще при его жизни, замечали эти противоречия в личности художника и мудреца.

В письмах Чехова к Горькому (тогда еще молодого и неоскушенного славой), часто духовно присутствует этот трепет, огромный, такой близкий и одновременно далекий, такой мудрый, но часто не видящий правды, такой простой и искренней, но так часто обманывающий сам себя.

В 1899 году Чехов писал Горькому: — «Он (Толстой) сказал: можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горького попадают именно психологические выдумки, он описы-

вает то, чего не чувствовал».

А тот же Чехов писал через год о Толстом, требовавшем от писателей предельной искренности: — «... я недавно прочел «Воскресение». Все, кроме отношений Нехлюдова к Катюше, довольно неясных и сочиненных, — все поразило меня в этом романе силой и богатством, и широтой, и искренностью человека, который боится смерти, не хочет сознаться в этом и цепляется за тексты из Священного Писания». (Письмо 1900 года).

13 января 1900 года Максим Горький побывал у Толстого в Москве в Хамовниках. Толстой отнесся к нему хорошо и дружелюбно: «Мне ваше писанье понравилось, а вас я нашел лучше вашего писанья».

Горький же 22 января писал Чехову, что он (как это бывало со многими) ожидал увидеть фигуру Льва Николаевича более крупной и крепкой: «...он оказался маленьким старичком, и почему-то напомнил мне рассказы о гениальном чудаке Суворове». Когда же Толстой заговорил, Горький был поражен и ошеломлен блеском его ума, силой его мысли, а главное — человечностью и простотой великого человека, хотя в то же время Горький чувствовал, что гений Толстого не чужд ошибок: «Все, что он говорил, было удивительно просто, глубоко, и хотя иногда совершенно не верно по моему, но ужасно хорошо. Главное же просто очень. В конце он все-таки целый оркестр, но в нем не все трубы играют согласно. Это то же очень хорошо, ибо это — очень человечно, т. е. свойственно человеку». Самая внешность Толстого, самое существование в этом мире Толстого человека привело Горького в экстаз восторга именно потому, что «смотришь на него и ужасно приятно чувствовать себя тоже человеком, сознавать, что человек может быть Львом Толстым».

Горький, однако, несмотря на свой восторг, заметил, что в оркестре души Толстого «не все трубы играли согласно». Не ускользнула от него и драма поисков Толстым Бога: — «... его глаза слишком умные для верующего, — знаю, что он атеист и глубокий». В этом Горький ошибся, атеистом Л. Н. Толстой не был, как и не был верующим беспресловенно и беззаветно, по раз указанной форме. Реалист во всем он искал и Бога реального, неопровержимого, самым этим утверждая попытку примирить не примиримое, нереальное с реальным, нематериальное с материальным. Позже тот же М. Горький писал Чехову: (октябрь 1900 г.) — «Не нравятся мне его суждения о Боге. Какой это Бог? Это частица графа Льва Толстого, а не Бог «тот Бог, без которого жить людям нельзя». Говорит он, Лев Николаевич, про себя — я анархист. Отчасти, да. Но разрушая одни правила, он строит другие, столь же суровые для людей, столь же ти-

желые, — это не анархизм, а губернаторство какое-то».

Зато, даже с некоторым юмором, говорил Толстой о «Боге» Горького, как это писал Горькому Чехов: — «Горький похож на семинариста, которого насильно постригли в монахи и этим ободили его на все. У него душа соглядая, он пришел откуда-то в чужую ему Ханаанскую землю, ко всему присматривается, все замечает и обо всем доносит какому-то своему богу. А бог у него — урод, вроде лешего или водяного деревенских баб».

Ум Толстого был остр и ясен, хотя в те дни, когда делился с ним Чехов и Горький, Толстой был уже стар. Чехов, как доктор, в письме к Горькому от 24 сентября 1901 года ставит диагноз: «...здоровье его (Толстого) мне не понравилось. Постарел он очень и глазная болезнь его — это старость, которая уже овладела им». Понимая, что Толстой, хотя и гений, но как и Иван Ильич смертен, Чехов глубоко жалел о том, что онет подле Льва Николаевича человека, который записывал бы все его, даже случайно сказанные, мысли — «острые, неожиданные и часто противоречивые».

С Чеховым, Горьким и Елпатьевским Толстой говорил об «унизительных порывах плоти». Когда Толстой рассказал Горькому своего «Отца Сергия», Горький пришел одновременно и в восторг и в ужас. Он понял в этом рассказе именно то, что увидел в «разрушительном» гении Толстого И. Берлин, а именно поиски истинно возможные для Толстого только путем обличения лживости всего того, что, как вехи, стоит на пути к ней. Горький признался Чехову: (окт. 1900 г.) «...я слушал рассказ ошеломленный и красотой изложения и простотой, и идеей. И смотрел на старика, как на водопад, как на стихийную творческую силу. Изумительно велик этот человек, и поражает он живучестью своего духа, так поражает, что думаешь — подобный ему невозможен... Но и жесток он!... Лев Толстой людей не любит, нет. Он судит их только, и судит их жестоко, очень уж страшно!...»

Толстому природой дано было «знать многое о многом», ему дано было видеть ложь не только на яву, но и самую страшную — скрытую ложь жизни. Душа же его — душа великая и беспокойная, искала знания «об одном великом», о том, чего, увы, узнать человеку невозможно. Это сделало жизнь Толстого мукой и привело к последней трагедии его — уходу от семьи. Но, быть может, бесстрашные искания таких людей, каким был он, когда-нибудь приоткроют хотя бы край завесы, скрывающей от глаз человека Единую Истину.

Е. Грот

ПОЧАЕВСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Известный ювелирный магазин Мета Джувелирс в Нью Йорке получил из за железного занавеса копию чудотворной иконы Божией Матери иконописца Па-